

Поступок-дело или поступок-энергия?

Неретина С.С.,

д. филос. н., Институт философии РАН, Москва,
главный научный сотрудник, профессор,
главный редактор журнала Vox
abaelardus41@mail.ru

Аннотация: Вопрос в статье о понимании, о том, насколько захваченность собственной мыслью способна конципировать мысль другого. В предисловии к анализу философии поступка В.В. Биbihин пишет вовсе не об этой философии, а о том, для чего нужна философия языка. Ее ценность в том, «чтобы не принять нашу собственную нищету за нищету слова»¹. Эти слова озадачивают, если иметь в виду адресата философии поступка — М.М. Бахтина. Они озадачивают тем более, что дальше речь идет о возможности по разным причинам, например, «от страха показаться нелепым», стать изготовителем текстов, стать поделкой, подделывающей событие слова. Смысл анализа философии поступка заключается в двух вопросах: в вопросе Биbihина, «можно ли еще вернуться к слову-событию», «когда все превратилось в текст» и в вопросе Биbihину, весь ли аналитический арсенал он использовал, рассматривая философию поступка?

Ключевые слова: поступок, энергия, начало, действительность бытия, слово, мысль, Биbihин, Бахтин, автор, голос

Другое начало мысли — это знак философии Владимира Вениаминовича Биbihина, и это начало названо так не потому, что оно относится к некоему другому виду, чем любые иные виды прежней философии, но потому, что ему *должно* быть чем-то совершенно другим из-за его отнесенности к уникально единственному и первому началу.

Другое начало — другое именно потому, что «единственное начало уникально. Никакое первоначало не могло поэтому *относиться к началу* в смысле принадлежности ему»². Другое начало по этому своему свойству другого стоит на одном уровне с безусловным началом. Оно всегда — *настоящее*, то, что случается сейчас.

Первое начало остается решающим как первое и все равно оно преодолевается как начало. Поэтому самое откровенно трепетное благоговение перед первым началом, впервые раскрывая его уникальность, должно идти рядом с безусловностью отхода (от того первого начала), присущего другому спрашиванию и другому сказу.

Другому слову, которое — для Биbihина и не только для него очевидно — было вначале и потому было Бог (не Бог — Слово, а Слово, неведомое слово — Бог). Сам этот акцент на начало, которое всегда другое Слово, обнаруживает неслучайность мысли Биbihина. И — на это обратим внимание — вовсе не случайно, что он пишет свои

¹ Биbihин В.В. Слово и событие // Биbihин В.В. Слово и событие. М.: УРСС, 2001. С. 93.

² Биbihин В.В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 334.

философские вещи во время переводов или после переводов Хайдеггера, ибо к 1993 г., ко времени публикации «Языка философии», его Хайдеггер им уже переведен, многое напечатано, а «Бытие и время» ждет юбилея выхода оригинала. А Хайдеггер писал Ясперсу (27 июня 1922 г.): «необходимости создать совершенно заново старую онтологию (и вытекающие из нее категориальные структуры) <...> Требуется критика всей прежней онтологии, самых ее корней в греческой философии, особенно Аристотеля, чья онтология (хотя само это понятие не годится) у Канта и Гегеля жива ничуть не меньше, чем у какого-нибудь средневекового схоласта»³. И, конечно, Биbihин знал выражение Аверинцева (сказанное им по поводу Бахтина) о том, что «самостояние и самоуважение ума... знает, что одно дело — учиться у своего времени и совсем иное — щепкой кружиться по водоворотам на поверхности своего времени»⁴. Учиться у своего времени — не значит усваивать и повторять, а внимательно слушать его вызовы, когда, по выражению Г.Г. Шпета, сам разум становится иностранным, в смысле чужим самому себе, самим собою не понятым⁵.

Но к 1993 г. и со второй половины 1950-х не только запоем читали самиздат, создавали философские кружки, но и заново появившегося Бахтина, который жестко поставил вопрос не о мыслимости бытия, а о действительности бытия, о чем заговорил в полемике с Г.В.Ф. Гегелем уже поздний Ф. Шеллинг, и которая в XX в. обернулась по-новому исконной проблемой *prima philosophia*. В это время появились люди — самых разных направлений и одиночки, — которые оказались в поисках *общего потрясенного достояния* и которые пытались создать новую онтологию и новый язык описания «бытия». Таким был Биbler, таким были Щедровицкий и Биbihин. И Биbihин нашел способ это выразить не просто в общедоступных лекциях, а в университетских курсах, молодежи, жаждавшей свежего слова. И главное — ни на что и ни на кого не похожего слова. Это значило, что нужно было прояснить, что такое *начало* первого слова. Надо было прояснить саму суть растроенного и расстроеного слова — старославянской славы, греко-латинского Logos'a —собираения по зернышку и латинского Verbum — дрожания и деления. И, конечно, он говорил свежо: когда писал «Наш язык задевает нас больше, чем мы думаем»⁶, то дальше ожидается что-то вроде того, как язык нас задевает, а Биbihин переиначивает нашу думу: он говорит, что это нас обижает, хотя мы и не вспомнили об обиде. «Принять от него обиду, когда он нас разоблачает, большая удача»⁷. Но мы, возможно, даже если бы обиделись, то скорее испытали бы неловкость и уж точно не удачу, а скорее неудачу, и в ее сторону даже не повернулись бы. Не повернулись бы и потому еще, что — он предупредил — в основном изготавливаем безопасные тексты, ну, например, желая выполнить норму, работая философом в институте. Соответственно — подделываем событие слова. Превращаем слово в знакомый и часто ничего не значимый текст, и часто — глупость. Здесь, по биbihинской идее, и должен свершиться поворот — к другому началу. Но это требует поступка, а соответственно, обоснования этого поступка. Поступка, понятого как — **что?**

³ Мартин Хайдеггер — Карл Ясперс. Переписка. 1920–1963 / перев. И. Михайлова. М.: Ad Marginem, 2001. С. 73.

⁴ Аверинцев С.С. Личность и талант ученого // Михаил Михайлович Бахтин / Под ред. В.Л. Махлина. М.: РОССПЭН, 2010, с. 94.

⁵ См.: Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. М.: изд-во «Правда», 1989. URL: http://read.newlibrary.ru/read/shpet_g_g_/page0/yesteticheskie_fragmenty.html — Дата посещения: 12.02.2026.

⁶ Биbihин В.В. Слово и событие. С. 93.

⁷ Там же.

Тут-то и начинаются проблемы... Одна из них связана с воспоминанием о событии примерно 65- и 50-летней давности. 65-летняя или чуть меньшая давность — это триумфальное появление книг Михаила Михайловича Бахтина, а 50-летняя — это публикация статьи М.Л. Гаспарова против апологетики Бахтина.

О чем эта статья? И почему она написана?

Бахтин возник из небытия в конце 1950-х, и все 1970-е годы на него не ссылались только ленивый, не говоря уже о том, что французам извода 1968 г. идея о том, что голоса *героев* в романе (или голоса из хора в социуме) должны затмить голос *автора-авторитета-лидера*, показалась очень актуальной. И то же испытали советские люди того же 1968 г.

Ольга Александровна Седакова констатировала такое «печальное следствие бахтинского триумфа», как «тиражирование его идей или ключевых слов: „карнавал“, „полифония“, „роман“, „хронотоп“»: они «вошли в оборот и стали применяться к месту и не к месту, разделив судьбу таких интерпретационных отмычек, как „архетип“, „эдипов комплекс“ и под.»⁸. Да и я помню, мне говорил Арон Яковлевич Гуревич: «Ну, не вижу я **смеховой** народной культуры в средние века» — и написал о гиперболизации этого понятия Бахтиным в «Вопросах философии».

Ту же черту подхватывать, тиражировать, заниматься кружением по поверхности подметил Михаил Леонович Гаспаров и в 1979 г. в Тартуском сборнике выступил с язвительной статьей, жалившей, однако, не столько апологетов Бахтина, сколько его самого. Статья называлась «М.М. Бахтин в русской культуре XX века». В ней Гаспаров пишет: «Ниспровергатель всяческого пиетета оказался сам предметом пиетета. Несвоевременные последователи сделали из его программы творчества теорию исследования. А это вещи принципиально противоположные: *смысл творчества в том, чтобы преобразовать объект, смысл исследования в том, чтобы не деформировать его...* Творчество Бахтина — это роман, который не нужно превращать в эпос»⁹. Смысл его в том, что «20-е годы в русской культуре — это социальная революция, культурная революция, новый класс, ощутивший себя носителем культуры... Переживать это чувство „и я — носитель культуры!“ можно было двояко: „И я способен творить, а не только снизу вверх смотреть на творцов!“ — это Бахтин (с его культом деятельной спорящей мысли); „и я способен воздействовать на других, а не только, чтобы они воздействовали на меня!“ — это формалисты (с их культом строящей словесной технологии). Вражда между Бахтиным и формалистами была такой упорной именно потому, что это боролись люди одной культурной формации: самый горячий спор всегда бывает не о цветах, а об оттенках»¹⁰.

Очевидно, что, когда Биbihин писал еще «Язык философии», он должен был оказаться задетым событием слова Бахтина (тогда же — в большой степени — как ответ Гаспарову о Бахтине написала и Седакова).

Здесь обнаруживается другая проблема, по сути связанная с гораздо более серьезной, чем проблема пиетета Бахтина, проблемой *начала*. Первым началом для Биbihина была *энергия*. Он осознавал насущную необходимость ее философского осмысления.

⁸ Седакова О.А. М.М. Бахтин — другая версия. URL: <https://www.olgasedakova.com/Moralia/267> — Дата обращения: 12.02.2026.

⁹ Гаспаров М.Л. М.М. Бахтин в русской культуре XX века // Михаил Бахтин: pro et contra. В 2 т. Т. 2. СПб.: РХГА, 2002. С. 35–36. Курсив мой.

¹⁰ Там же. С. 33.

С.С. Хоружий сообщал, что «на семинаре в Институте философии 26.01.1993 он говорит: „Введением в проблематику бытия его энергии должны быть энергетические проблемы современности“. Он об этом пишет в книге „Энергия“ на с. 327–328. Однако в известных нам текстах сегодня мы не находим осуществления этих планов». Между тем «для Аристотеля вопрос о *dynamis* и *energeia*... это не вопрос о категориях... это вопрос о сущем как таковом... это подлинное философствование... Библихинское решение аналогично». Он «подчеркивает, что у Аристотеля нет определения энергии, вопреки его обещанию таковое дать (в „Метафизике“, в гл. 6 кн. 9). Отсюда он приходит к выводу, что определения и не может быть, что энергия принадлежит к особому роду вещей и обладает особым статусом. Каким? „Энергия... это такая вещь, которую если не *чувствовать*, если не иметь *опыт*... то никакими объяснениями и определениями не научишь“»¹¹.

Но здесь и возникает казус, связанный с отношением Библихина «к первой философии» Бахтина.

К Бахтину (130-летие со дня рождения которого мы только что отметили) Библихин отнесся особенно пристрастно, потому что писал о связанной со Словом философии поступка¹². От не сохранившегося сочинения о нравственной философии остался фрагмент, название которому — «К философии поступка» — дано публикатором, С.Г. Бочаровым.

И на это сочинение — как редко на кого — Библихин направляет критические стрелы. Прежде всего — против метода анализа. Он считает, что Бахтин недостаточно открыт ко всем культурам, и в этом смысле не вполне ренессансен. Но главное — это, конечно, отношение к философии поступка, на некоторые аспекты которого я хотела бы обратить внимание.

Вот что писал Бахтин: поступок — это сам человек, но человек, изначально заряженный мыслью и через *самопознание* (важно!) это опознает¹³. Библихин считает — наоборот, — «что нигде человек не может вернее убежать от самого себя, чем занявшись самопознанием... Не в „самопознании“ человек вернее найдет себя, а когда забудется, забудет себя, вырвется из колеи, где он всё глубже оседал в самокопании и уже смертельно устал от себя, которого везде видел всё одного и того же и надоевшего, в зеркале, в стекле метро, на фотокарточке в личном деле, в паспорте, на пропуске; уже и так знал себя насквозь, до скуки; и видел в сущности такого же человека как он сам в телевизоре, на улице, на работе... Те, кто приглашает узнать больше о человеке, просят: пожалуйста, изучите немножко *homo sapiens*, какое это замечательное существо, какие у него неизведанные возможности, как оно приспособляется, как оно способно провести несколько недель в океане, подняться на Эверест, и чего только оно не способно, и как много у него миллиардов нервных клеток, — но нам скучно узнавать о человеке, заниматься антропологией. Скучно-де заниматься другим»¹⁴. А Бахтин в ранней работе о поступке вновь говорит о Я¹⁵.

¹¹ Хоружий С.С. Библихин, Хайдеггер, Палама в проблеме энергии. URL: <https://stasisjournal.net/index.php/journal/article/download/47/73/> — Дата обращения: 12.02.2026.

¹² Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М., 1986.

¹³ См.: там же. С. 91.

¹⁴ Библихин В.В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998. С. 7.

¹⁵ Антропологией, кстати, усиленно в это время занимался и М.Я. Гефтер, но это был другой кружок. А кружки были несообщающимися сосудами.

Бибихин считает, что работа Бахтина «К философии поступка» — неоконченное и, видимо, принципиально, произведение, «посвящено проблемам нравственной философии» (чем занимался и Бибихин)¹⁶, которую Бахтин «вразрез с расхожими представлениями, но в согласии с интенцией аристотелевой мысли (*хотя, на мой взгляд, — средневеково-христианской. — С.Н.*) понимает как феноменологию человеческого поступка в историческом мире»¹⁷. Когда Бахтин об этом пишет, то здесь он «захватывает не столько своими находками, сколько сжатой энергией, признаком долгого дыхания»¹⁸.

Бибихин употребляет здесь слово «энергия», анализ которой он считал необходимостью — вопросом о подлинном «философствовании», в смысле не самого философствования, а его поводыря, даже не думая, что бахтинский поступок, который тот часто называет «актом», может быть самой этой энергией. Эта работа, замечает Бибихин, если ее сравнить с другими, свидетельствует, что Бахтин всю свою жизнь стоял на одном пути, и все его труды — разметки этого пути. О том, что это — разметки (добавлю, ибо это важно), свидетельствуют сами эти заметки «К философии поступка», где термины не прояснены, часто имеют противоположные смыслы, которые можно толковать так и эдак, в этом можно было наметить путь развивающейся мысли. Бибихин, однако, не обращает на это внимания (разве что иногда знаками вопроса или восклицания обозначает неясное). Иногда создается впечатление, что он ведет **свою**, не бахтинскую мысль.

Между тем терминологический и содержательный разнобой здесь очевиден. Бибихин уже знает полноту учения Бахтина, он желает видеть эту полноту и в философии поступка. Хотя это почти ученическая работа, писавшаяся, когда Бахтину было 24 года, в ней еще нет той полноты, которая известна Бибихину, он еще только ищет слова, термины, выражения. Но существенная заявка: сама мысль уже *есть* поступок, т. е. план, в котором поступается, внутри которого акт осуществляется, уже *есть*.

Вот на что надо обратить внимание.

Эта мысль-поступок разворачивается в двух разных мирах — *культуры*, которая творится, и *жизни*, в которой творят. Эти миры непересекаемы. Здесь перед нами очевидно не тот Бахтин, который утверждает, что культура своей территории не имеет и в ней все совершается на границах сознания, то есть миры, по крайней мере на границах, соприкасаются. В этом его начале философской работы жизнь и культура, повторю, никак не соединены, между ними нет никаких переходов, под культурой он скорее понимает мир рефлексии. Его интересует другое: он говорит, что «акт» (то есть поступок, который есть мысль, выраженная словом, и все это весь человек) — этот «акт *должен* обрести единый план, чтобы рефлексировать себя в обе стороны»¹⁹. Бахтин специально обращает свое внимание: на эквивокальность, двуголосие или двойственность акта нашей деятельности (поступка). Бахтин пишет: он — двуликий Янус, смотрит в разные стороны: в своем смысле и в своем бытии, «обрести единство *двусторонней* ответственности»²⁰. Его интересует сама эта двойственная, потом он скажет, дву-смысленная (от двух одновременных смыслов) ответственность и за свое содержание (*специальная* ответственность), и за свое бытие

¹⁶ См.: Бибихин В.В. Слово и событие. С. 93.

¹⁷ Там же. С. 94.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Бахтин М.М. К философии поступка. URL: <https://klex.ru/mi2?ysclid=mllk5fb4tw131392639>. — Дата обращения: 12.02.2026. Курсив в цитатах мой.

²⁰ Там же.

(*нравственная ответственность*)»²¹. Он желает подчеркнуть это различие между двумя формами ответственности: специальной и нравственной, «причем специальная ответственность *должна быть* приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности. Только так могла бы быть преодолена дурная неслиянность и неваимопроникновенность культуры и жизни»²². Здесь возникает вопрос, почему акт *должен* обрести единый план, ибо сказано, что он уже *есть*.

Поступок же у Бахтина — то, о чем в свое время говорил Петр Абеляр (христианский мыслитель Бахтин догадывается об этом и проводит эту линию): поступок не нуждается в проявлении, ибо все — даже мысль и чувство — есть мой поступок, даже определение человека: человек есть поступок.

Почти очевидно, что здесь происходит срыв мысли, и речь идет *то* о плане бытия творческого акта как целого, т. е. уже проделанного (божественного) акта, *то* о поступке как феноменальном проявлении в плане человеческой жизни, но если в первом эти миры не пересекаются, то во втором они находятся один в горизонте экзистенции, другой в вертикали сознания, которое и прочерчивает границы между сознаниями. А потому — ведется двоякая речь о тождестве истинности и долженствовании, о чем он прямо говорит: о тождестве «есть» и «должен». Это значит: истинность есть то, без чего нельзя обойтись, оно есть, потому ты должен соответствовать тому, что все равно уже есть. Это *habere* — иметь, которое в сочетании с инфинитивом означает «должен» — «должен делать» как «иметь делать». Вот его подлинные слова: «Долженствование возникает лишь в соотношении истины (в себе значимой) с нашим действительным актом познания»²³, когда я прихожу в сознание, и «этот момент отнесенности есть исторически единственный момент, всегда индивидуальный поступок, совершенно *не задевающий объективной теоретической значимости суждения*»²⁴. Однако «Почему, поскольку я мыслю, я *должен* (*курсив Бахтина. — С.Н.*) мыслить истинно?»²⁵ — сам этот вопрос возникает в потоке обдумывания единства истины и долга. Здесь упоминание о двойственности обязательно, оно напоминает Августиново рассуждение о простых и сложных глаголах²⁶. Бахтин этому вторит. Это, говорит он, «просто». «Из теоретически-познавательного определения истинности отнюдь не вытекает ее долженствование, этот момент совершенно... невыводим оттуда; он может быть только извне привнесен и пристегнут (Гуссерль). Нет эстетического, научного и рядом с ними *этического* долженствования, но есть лишь эстетически, теоретически, *социально* значимое, причем к этому может присоединиться долженствование, для которого все эти значимости техничны. Эти положения обретают свою значимость в... *социологическом* единстве... моей единственной ответственной жизни». И он это многократно подчеркивает:

²¹ Там же.

²² Бахтин М.М. К философии поступка. URL: <https://klex.ru/mi2?ysclid=mlk5fb4tw131392639>. — Дата обращения: 12.02.2026. Курсив в цитатах мой.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Аврелий Августин в трактате «О диалектике», рассматривая один глагол в двух лицах, который в обоих лицах имеет одинаковое количество слогов (*dicit* и *dico*), отмечает, что первое слово — простое («говорит» ничего другого не означает, кроме самого говорящего), а второе сложное, ибо это первое лицо, Я, которое выполняет действие (бежит) и отвечает за это свое действие, что его нравственно окрашивает. См.: *Аврелий Августин. О диалектике* / Пер. с лат. С.С. Неретиной // *Неретина С.С. Пауза созерцания. Архаисты и новаторы*. М.: Голос, 2018. С. 469–470.

что нет специально *нравственного* долженствования, понимая под нравственным не личную ответственность, а нормы, или *установку сознания*. Нет определенных и в себе значимых *нравственных норм*, но есть нравственный *субъект* с определенной структурой (не психологической или физической), на него и приходится положиться»²⁷. Бахтин говорит даже жестче: мир жизни и мир культуры непроницаемы друг для друга. Подобно Петру Абеляру, Бахтин говорит, что поступок *не нуждается в проявлении*, ибо все — даже мысль и чувство — есть мой поступок.

Бибихин тоже это подчеркивает, но подчеркивает и то, что поступок — это не «кто», «кто», у «кто» нет глаз и ушей. Это, вообще говоря, даже не «кто», а определение человека: человек есть поступок. «Субъект при поступке, — размышляет вслед Бахтину Бибихин, — нахлебник. Не я готовлю и произвожу поступок, а поступок производит производит меня, дает мне быть»²⁸. То есть поступок как один — это вся завершенная жизнь. **Явлена вся она, жизнь.**

Бибихин, прочертив, по его словам, намеченный пунктир бахтинской мысли, резюмирует, что долженствование и ответственность, присущие поступку, «не могут иметь источника вне поступка — ни в культуре, откуда возврата в мир поступка вообще уже нет, ни в идеальном императиве, потому что бахтинское событие конкретно»²⁹.

Да у Бахтина и речи нет об идеальном императиве. И допустивший это Бибихин сразу и забывает об этом, цитируя: «Безысходно, непоправимо и невозвратно [...] в поступке выход из только возможности в *единственность раз и навсегда*». Поскольку поступок это всегда и событие, то оно в нем и раскрывается, озаряя и любя все вокруг. Свет события действительно «являет истину вещей»³⁰, но о ее даре и о «даре свободы», который хотел бы увидеть у Бахтина Бибихин, речи нет. Свобода вообще лишь дважды упоминается в бахтинском тексте, и это в одном случае связано с его общей задачей освободить современную философию от предрассудка рационализма и с частным указанием на момент выражения народом своего свободного решения, выразившегося (ссылка на Гоббса) в акте отказа от себя и передачи власти государю. Его больше интересует отношение к риккертовской идее ценности, с чем он и пытается разобраться. Он полагает, что «бытие как некоторая содержательная определенность, ценность как в себе значимая, истина, добро, красота и пр. — все это только возможности, которые могут стать действительностью только в поступке на основе признания единственной причастности моей», что «с точки зрения отвлеченного содержания возможной ценности всякий предмет, как бы он ни был хорош, должен быть лучше, всякое воплощение с точки зрения смысла — дурное и случайное ограничение». И он показывает «поступочное», «участное» долженствование, выраженное в уникальности и ответственности поступка.

Бахтин, конечно, пытается отделить свой голос от другого. Он пишет, что «высший архитектурный принцип действительного мира поступка есть конкретное, архитектурно-значимое противопоставление я и *другого*». Бибихин считает, что в попытке противопоставить свой голос другому, отделить его от другого или сочетать

²⁷ Бахтин М.М. К философии поступка. URL: <https://klex.ru/mi2?ysclid=mllk5fb4tw131392639>. — Дата обращения: 12.02.2026. Все цитаты из этой работы Бахтина даны по этой ссылке. Курсив в цитатах мой.

²⁸ Бибихин В.В. Слово и событие. С. 95.

²⁹ Там же. С. 96.

³⁰ Там же. С. 97.

с другим есть обреченность, поскольку в этом таится дурная бесконечность выяснения отношений. Но Бахтин, как кажется, говорит несколько иначе: он считает, что жизнь знает «два принципиально различных, но соотносенных между собой ценностных центра»: себя и другого, речь об эквивокальности бытия: «Один и тот же с содержательно-смысловой точки зрения предмет, созерцаемый с разных точек единственного пространства несколькими людьми, занимает разные места и иначе дан в конкретном архитектурном целом поля видения этих разных людей, его наблюдающих, причем смысловая тождественность его входит как момент в конкретное видение, она лишь обрывается индивидуализированными и конкретными чертами». «Этим не нарушается смысловое единство мира, но возводится до степени событийной единственности».

Бахтин поясняет такую эквивокальность: «Эта двупланность ценностной определенности мира-для себя и для другого — гораздо более глубока и принципиальна, чем та разность в определении предмета [?], которую мы наблюдали внутри мира эстетического видения, где одна и та же Италия оказывалась родиной для одного и чужбиной для Другого человека и где эти различия в значимости архитектурны, но все они лежат в одном ценностном измерении, в мире других для меня».

Впечатление, что 24-летний (нынешний аспирант) Бахтин не опознан зрелым мыслителем, не заметившим этого его акцента, о чем напоминал (см. выше) Гаспаров. Бахтин говорил о другом, в том числе и о двойственной ориентации Слова-мысли, на что Бибихин вовсе не обратил внимания. Ему не по сердцу его диалогизм, который Бахтин видит в самом слове, и он — странно — не видит Слова у Бахтина как каждый раз другого начала, ибо в этом суть Слова. Не заметил терминов «участность», «внезаходимость», непременно связанных с дружеской. В полифонии Бибихин (как бы забывая об Иоганне Себастьяне Бахе) видит хор разрозненных голосов, «сплошное говорение индивидов», сумасшедший дом, а в диалоге — «растущий ворох слов»³¹, хотя полифония, по Бахтину, скорее хор нерастрасченного бытия, которая есть и в молчании. Это Бах. Диалог для Бибихина — «растущий ворох слов», вместо монолога и диалога он предлагает согласие³², но чем это не эквивокальность, не та двойственность, о которой говорили древние и Бахтин, к тому же отделивший их друг от друга. Слова там и здесь. Это перебор вариантов, а не указание на правильность. Сам Бибихин об этом говорит, но вопрос в том, чтобы не упустить, как он говорит, дело художника — «не трату, а открытие мира»³³. И в конце — будто не было гневания на диалог и полифонию. Снова о том, что Бахтин остается с нами потому, что он не хотел никогда уходить от порога неуместимой истины и силился дать другим понять, что есть совсем другой простор и совсем другой восторг (лучший аналог смеха). «Бахтин продолжает указывать на что-то такое, чего не минуешь, думая о событии слова»³⁴.

Конечно, Бибихин использовал такой прием критики, к которой, по его мнению, Бахтин сам же дал основание и против которой он же устоял. Но в силу того, что, хотя у обоих дерзостных мыслителей в центре было слово, перед ними были разные задачи, и потому высказывание Бибихина оказалось чрезвычайно интересным, а Бахтин словно ускользал от ее стрел — можно ведь все понять иначе. И это «все понять иначе»

³¹ Бибихин В.В. Слово и событие. С. 113–114.

³² Там же. С. 114.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 115.

обнаруживает непостижимость истины. О чем Бибихин напоминает словами же Бахтина: «Всякий действительно существенный шаг вперед сопровождается возвращением к началу... точнее, к обновлению начала»³⁵. Но как вернуться к нему? Как старому омолодиться? Спрашивает Бибихин. И отвечает совсем не рационально и не иррационально: «Не отчаиваться здесь способно только искание»³⁶. Ожидание добра не от привычного, а от чуда.

Вопрос, собственно, вот в чем. Нелюбовь к терминам — диалогу, полифонии и еще и еще чему-то — дает ли это основание для хвалы или хулы теоретической? Да и так ли ли яйничает Бахтин, который через 2–3 года поставит акцент на важности голоса другого, героя, затмевающего автора? Вот его слова из «К философии поступка»: «Я активно вживаюсь в индивидуальность, а следовательно, ни на один миг не теряю себя до конца и своего единственного места вне ее. Не предмет мною пассивным неожиданно завладевает, а я активно вживаюсь в него, вживание *мой* акт, и только в этом продуктивность и новизна его (Шопенгауэр и музыка). Но если бы Я действительно потеряло себя в другом (вместо двух участников стал бы один — обеднение бытия), т. е. перестало быть единственным, то этот момент не-бытия моего никогда бы не мог стать моментом моего сознания, не-бытие не может стать моментом бытия сознания, его просто не было бы для меня. Потеря себя ничего общего не имеют с *ответственным* актом-поступком самоотречения, в самоотречении я максимально активно и сполна реализую единственность своего места в бытии». Он говорит почти то же, что Бибихин, но здесь ему показалось важным показать процедуру перехода от Я к Другому, он ставит акцент на том, что отдача (утрата) себя должна осознаваться (для Бибихина — не обязательно). И еще больший акцент делает на том, что «Мир, где я со своего единственного места ответственно отрекаюсь от себя, не становится миром, где меня нет», он подчеркивает, что «**самоотречение**», которого добивается Бибихин, «есть обывающее [?] бытие-событие свершение». В этом самоотречении — Христос. «Мир, откуда ушел Христос, уже не будет *тем* миром, где его никогда не было, он принципиально иной. Вот этот-то мир, где свершилось событие жизни и смерти Христа в их факте и их смысле, принципиально неопределим ни в теоретических категориях, ни в категориях исторического познания, ни эстетической интуицией»³⁷. У Бибихина речь о человеке, у Бахтина — о человеке-Христе или с Христом, у Бибихина — о целости мира, здесь о его дву-о-смысленности.

В этом не-до-сочинении и Бахтин еще-не. Он не дает своего определения культуры. Для него культура это все еще научная философия, не претендующая быть первой философией. Но о том вообще нет у Бибихина. Бахтин — только о «К философии поступка», когда ему 24 года, он в плену «старой» философии и онтологии, он пользуется «их» терминами. Мы здесь обсуждаем почти студенческую работу!!! А ему спуску не дают, да еще с иронией — потому что ее достоин. И в ней все настолько серьезно, что заканчивает свой анализ Бибихин уверением в значимости Бахтина. И Бибихин справедливо — совершенно справедливо — утверждает, что «философия поступка Бахтина оборвана не в рукописи, а в мысли»³⁸, но не справедливо утверждает, что эта мысль нашла слово. Слова она как раз еще не нашла.

³⁵ Там же. С. 115–116.

³⁶ Бибихин В.В. Слово и событие. С. 116.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 98.

Но и Бибихин прошел мимо одной существенной вещи, связанной с этой бахтинской работой. Мы выше сказали, какую роль Бибихин отводил идее энергии и что поступок Бахтин именует актом. Он так и пишет: «Акт-поступок эстетического видения возвышается над всяким эстетическим бытием его продуктом и входит в иной мир, в действительное единство события-бытия, приобщая ему и эстетический мир как момент его». И этот акт-поступок у него синонимичен «поступку-делу», «поступку-мысли» («я мыслю = поступаю мыслю»), «поступку-сознанию», «жизни-поступку», «поступку-видению», «воле-поступку», «поступку-мысли-воле-желанию», «поступку-подписи-признанию», «я-поступку», и вся эта единственность этому Я дана и задана. Преодолевал ли здесь Бахтин субъекта? А ставил ли он этот вопрос? И пытался ли он создать философию поступка? А.В. Марков обратил внимание, что в работе, условно обозначенной «К философии поступка», словосочетание «философия поступка» упоминается один раз в негативном ключе, «как противоположность личным переживаниям, которые могут оценивать мир, но не способны ориентировать человека в мире»³⁹. Вот эти слова Бахтина: «Менее всего можно опасаться, что философия поступка вернется к психологизму и субъективизму». Однако неслучайно этот фрагмент находился среди бумаг, посвященных «проблемам нравственного порядка». И все-таки то, о чем упомянул Марков, существенно для нас не для разрешений антиномий символизма, а для понимания понимания. Марков пишет, что слово «поступок» соответствует немецкому Tat, и напоминает, что персонаж «Фауста» И.В. Гёте Фауст, переводя Евангелие от Иоанна, пишет не «В начале было Слово», а «В начале было die Tat», поступок, что в русском переводе передается как «дело». Tat соответствует английскому Act. По-латыни это actus, по-гречески — *energeia* — то, что Бибихин, не обративший на это внимания у Бахтина, считал первым началом подлинного философствования (см. выше). Перед нами, таким образом, и Бахтин занят именно первой философией, т. е. выяснением того, что такое энергия, та самая «сжатая энергия», которая зарядила «подлинную философию», выявленную Бахтиным в ранней работе.

Литература

1. *Августин. О диалектике* / Пер. с лат. С.С. Неретиной // Неретина С.С. Пауза созерцания. Архаисты и новаторы. М.: Голос, 2018. С. 469–470.
2. *Аверинцев С.С. Личность и талант ученого* // Михаил Михайлович Бахтин / Под ред. В.Л. Махлина. М.: РОССПЭН, 2010.
3. *Бахтин М.М. К философии поступка* // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М., 1986. URL: <https://klex.ru/mi2?ysclid=mllk5fb4tw131392639>.
4. *Бибихин В.В. Другое начало*. СПб.: Наука, 2003. С. 334.
5. *Гаспаров М.Л. М.М. Бахтин в русской культуре XX века* // Михаил Бахтин: pro et contra. В 2 т. Т. 2. СПб.: РХГА, 2002.

³⁹ *Марков А.В. Философия поступка М.М. Бахтина и антиномии символизма в свете деконструкции*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-postupka-m-m-bahtina-i-antinomii-simvolizma-v-svete-dekonstruktsii?ysclid=mlocrxwfdc269854827>. — Дата чтения: 12.02.2026.

6. Марков А.В. Философия поступка М.М. Бахтина и антиномии символизма в свете деконструкции. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-postupka-m-m-bahtina-i-antinomii-simvolizma-v-svete-dekonstruktsii?ysclid=mlocrxwfdc269854827>.
7. Мартин Хайдеггер — Карл Ясперс. Переписка. 1920–1963 / перев. И. Михайлова. М.: Ad Marginem, 2001.
8. Седякова О.А. М.М. Бахтин — другая версия. URL: <https://www.olgasedakova.com/Moralia/267>.
9. Хоружий С.С. Бибихин, Хайдеггер, Палама в проблеме энергии. URL: <https://stasisjournal.net/index.php/journal/article/download/47/73/>.
10. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. М.: изд-во «Правда», 1989. URL: http://read.newlibrary.ru/read/shpet_g_g_/page0/yesteticheskie_fragmenty.html.

References

11. Avgustin. O dialektike / Per. s lat. S.S. Neretinoj // Neretina S.S. Pauza sozercaniya. Arkhaisty i novatory. M.: Golos, 2018. S. 469–470. In Russian.
12. Averincev S.S. Lichnost' i talant uchenogo // Mikhail Mikhajlovich Bakhtin / Pod red. V.L. Makhlina. M.: ROSSPEHN, 2010. In Russian.
13. Bakhtin M.M. K filosofii postupka // Filosofiya i sociologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik 1984–1985. M., 1986. URL: <https://klex.ru/mi2?ysclid=mllk5fb4tw131392639>. In Russian.
14. Bibikhin V.V. Drugoe nachalo. SPb.: Nauka, 2003. S. 334. In Russian.
15. Gasparov M.L. M.M. Bakhtin v russkoj kul'ture KHKH veka // Mikhail Bakhtin: pro et contra. V 2 t. T. 2. SPb.: RKHGA, 2002. In Russian.
16. Markov A.V. Filosofiya postupka M.M. Bakhtina i antinomii simvolizma v svete dekonstrukcii. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-postupka-m-m-bahtina-i-antinomii-simvolizma-v-svete-dekonstruktsii?ysclid=mlocrxwfdc269854827>. In Russian.
17. Martin Khajdegger — Karl Yaspers. Perepiska. 1920–1963 / perev. I. Mikhajlova. M.: Ad Marginem, 2001.
18. Sedakova O.A. M.M. Bakhtin — drugaya versiya. URL: <https://www.olgasedakova.com/Moralia/267>.
19. Khoruzhij S.S. Bibikhin, Khajdegger, Palama v probleme ehnergii. URL: <https://stasisjournal.net/index.php/journal/article/download/47/73/>.
20. Shpet G.G. Ehsteticheskie fragmenty. M.: izd-vo «Pravda», 1989. URL: http://read.newlibrary.ru/read/shpet_g_g_/page0/yesteticheskie_fragmenty.html.

The act — a deed or the act — energy?

Neretina S.S.,

Chief Researcher of the Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences,

Doctor of Philosophy, Professor, Chief editor of journal "Vox"

abaelardus41@mail.ru

Abstract: The question in the article is about understanding, about how much the absorption of one's own thought is capable of conceiving the thought of another. In the preface to the analysis of the philosophy of the act, V.V. Bibikhin writes not about this philosophy at all, but about what the philosophy of language is for. Its value lies in "not accepting our own poverty for the poverty of the word." These words are puzzling when considering the recipient of the philosophy of action, Mikhail Bakhtin. They are even more puzzling when we consider the possibility of becoming a textual producer for various reasons, such as "fear of appearing ridiculous." The purpose of analyzing the philosophy of action is to answer two questions: in Bibikhin's question, "Is it still possible to return to the word-event," "when everything has turned into a text," and in question to Bibikhin, did he use the entire analytical arsenal when considering the philosophy of act?

Keywords: deed, energy, beginning, reality of existence, word, thought, Bibikhin, Bakhtin, author, voice